Проза Валентина Распутина на протяжении многих лет не теряет своей актуальности. Время стремительно бежит вперёд, а слово В.Г. Распутина по-прежнему заставляет читателя остановиться, задуматься о «вечном» и «преходящем», поразмыслить, куда направляется «общечеловеческое движение». Слово писателя наделила силой земля, поднявшая будущего автора.

«… «Малая» родина даёт нам гораздо больше, чем мы в состоянии осознать, — пишет в очерке «Вопросы, вопросы» В.Г. Распутин. — Человеческие наши качества, вынесенные из детства и юности, надо делить пополам: половина от родителей и половина от взрастившей нас земли. Она способна исправить ошибки родительского воспитания. Первые и самые прочные представления о добре и зле, о красоте и уродстве мы выносим из неё и всю жизнь затем соотносим с этими изначальными образами и понятиями. Природа родного края отчеканивается в наших душах навеки...»

Одним из самых ярких образов в творчестве В.Г. Распутина является образ тайги.

Образ тайги складывается у В.Г. Распутина с тофаларских очерков, которые писатель публиковал в «Советской молодёжи» с 1961 года.

В очерках тайга предстаёт перед читателями одухотворённой, независимой, мрачной и щедрой. Её затаённая красота скрыта от праздных глаз туристов. Трудное и далёкое богатство тайги раскрывается только перед неутомимыми искателями. Она приносит человеку разноцветную радость открытий, распахивает перед ним свою самовластную красоту. Сила её притяжения заставляет его снова и снова возвращаться в тайгу.

Очерки о тайге послужили основой для одной из первых книг В.Г. Распутина, изданных в 1966 году «Восточно-Сибирским издательством». В книгу вошли очерки: «Край возле самого неба», «В Саяны приезжают с рюкзаками», «Продолжение песни следует», «От солнца до солнца», «На снегу остаются следы», «И десять могил в тайге», а также рассказы «Продаётся медвежья шкура», «Эх, старуха», «Человек с этого света».

Рисуя в очерках портрет тайги, В. Г. Распутин пишет: «Вся жизнь тофалара проходит в тайге, причём чаще всего он остаётся с ней наедине, только он и она – больше никого. Отношения между ними всегда очень

сложны: он испытывает к ней уважение, но соблюдает осторожность, он признаёт её силу, но знает и слабости. <…> Ему здесь всё знакомо с детства. <…> и жизнь в нём, как и всюду, имеет полярные точки рождения смерти и полярные измерения любви и преступлений».

Гармоничное сосуществование с природой требует от человека усилий по сохранению окружающей его красоты. Сакральное пространство тайги становится местом испытания для героев В.Г. Распутина.

В рассказе 1965 года «Продаётся медвежья шкура» описан поединок медведя с охотником, в котором нет победителей. Однажды привычная охота оборачивается для опытного медвежатника проверкой, где охотник меняется местами с медведем. Воля зверя подчиняет себе человека, а медвежья память расчерчивает для таёжника пространство, в котором вынуждает его существовать. Встреча с медведем остаётся негласным условием для вхождения героев В.Г. Распутина в сакральное пространство тайги.

Одним из наиболее ярких распутинских персонажей, который прошёл испытание тайгой, является Санька из рассказа «Век живи – век люби».

Рассказ начинается с осознания Саней «самостоятельности». Прибегая к игре слов, В.Г. Распутин обнажает скрытую этимологию слова, выстраивая на его значениях философию героя: самостоятельность для Сани означает возможность самому, без подпорок и подсказок, стоять на ногах в жизни.

Ощутив глубинным чутьём зарождающуюся в себе самостоятельность, Саня её проявляет. По воле случая он живёт у бабушки в деревне совершенно один и выполняет работу по хозяйству, потому что она даёт ему ощущение собранности и цельности. Потребность в движении и деле становятся частью Саниного взросления.

Следующей проверкой для мальчишки на способность самостоятельно принимать решения становится приход в гости Митяя, знакомого отца. Саня проявляет к нему сострадание, давая взаймы три рубля. Митяй, который воспринимал его как пацанёнка, по-новому всматривается в Саню и приглашает в тайгу собирать ягоду. Не тёртый тайгой Саня с радостью соглашается. Это лето выпадает на редкий год, когда тайга уродила полное, выпадающее раз в пять или десять лет богатство, которое в народе называют ягодной порой. Саня понимает, что возможность побывать ещё раз в тайге в редкий год выпадет ему нескоро.

Отправившись с Митяем и дядей Володей за ягодой, Саня проезжает станцию Березай, которая находится на восьмидесятом километре. Она представляет собой тёмный распадок нежилых домов. Картина пора-

жает мальчишку и вызывает в нём ассоциации с книжной фразой «смертный ужас рождения». На станции Березай у Сани появилось отчётливое чувство, что вся жизнь человеку чудится. В действительности, всех людей давно похоронили, только люди этого не помнят и по-прежнему суетятся. Ощущения Сани совпадают с ощущениями старухи Дарьи из повести «Прощание с Матёрой», когда она пытается объяснить своему внуку нравственные законы существования. Старуха Дарья пытается объяснить своему внуку нравственные законы существования, сравнивая жизнь современного человека с игрой, в которой он изображает из себя не того, кем является на самом деле. В итоге человек так заигрался, что не может остановиться и жить по совести. Старый уклад уходит вместе с вековыми традициями дедов и прадедов, а вместе с ним уходят простота и ясность восприятия жизни. Это вынуждает человека хитрить, плутать на каждом слове, прикидываться. Впечатление от жизни как от игры и перевёртыша передаёт у В.Г. Распутина ощущения человека с обострённой интуицией и совестью.

Преодолевая восьмидесятый километр как пространство смерти, Саня, Митяй и дядя Володя доезжают до сто второго километра, где высаживаются и идут до ягодной поляны. С каждым пройденным километром тяжёлого таёжного пути в Сане всё сильнее крепнет ощущение подлинности жизни.

Саня показан у В.Г. Распутина как обладатель жизненного опыта на интуитивном уровне. По наитию Саня считает, что жизнь существует изначально, от начала до конца, а человек просто вспоминает, что ему необходимо сделать сейчас. Для этого существует память. Поэтому жизнь Саня воспринимает как воспоминание человеком своего пути.

Как отмечает А.А. Митрофанова, герои В.Г. Распутина верят в прирождённую судьбу, которая связывает их личное существование с родом, предками, и со всем человеческим коллективом. Убеждённость Сани в том, что в человеке существует вложенный от рождения путь, который и делает всю его жизнь осмысленной, является проявлением идеи прирождённой судьбы. Эта идея связана с идеей специально сотворённого для человека дня. И.И. Плеханова в монографии «Константы переходного времени. Литературный процесс рубежа XX-XXI веков» также отмечает: «…Диалог мира и человека совершается через время – встречу в одной точке пространства чудесно сотворившегося дня и созревшего для него человека…»

Н.В. Ковтун в статье «Образы «вестников инобытия» в творчестве В. Распутина» добавляет, что выдавшийся с умыслом день является сквозным мотивом для творчества В.Г. Распутина, который отражает авторское

понимание времени. Такой день встречается у В.Г. Распутина в повестях: «Деньги для Марии», «Последний срок», «Прощание с Матёрой», «Что передать вороне?», «Поминный день», «Женский разговор», «Век живи – век люби». В жизни героев создаются особые условия для того, чтобы услышать и быть услышанными. Особый день может не совпадать с днём рождения, хотя день рождения в творчестве В.Г. Распутина, безусловно, наделён сакральным смыслом.

Н.В. Ковтун отмечает, что Сане в этот день открывается безмерность мироздания: «Нет, это был его величество и сиятельство день, случившийся на году лишь однажды или даже в несколько лет, в своём величии, сиянии и значении доходящий до последних границ».

В это особенное время происходит безраздельное слияние Сани с тайгой, когда тьма некоторое время дышит с мальчишкой одним дыханием. Не проговорённая встреча с медведем завершает обряд инициации. Саня проходит этап нравственной зрелости. Это пробуждает в нём родовую память, которая заговаривает в Сане на разные голоса.

Образ созревшего дня, который специально создан для встречи человека и мира в одной точке пространства для диалога, сливается с образом ягоды, которую собирает Саня. Весь сбор ягоды проходит для Сани как желанное воспоминание: его пальцы помнят, как собирать ягоду, поэтому он быстро и ловко делает своё дело. Саня не просто собирает обезличенную ягоду, он разговаривает с голубицей, наговаривая ей, что собирает ягоду не для себя, а для больной девочки Кати, которая зимой будет есть голубицу. Саня обещает, что сбережёт ягоду, которая поможет больной девочке и принесёт пользу ребятам. Он объясняет ягоде, что это лучше того, чем она сгниёт на земле, её склюют птицы или оберёт зверь. Соблюдая негласные законы любви и бережного отношения к богатствам тайги, Саня прикасается к живой дышащей ягоде и обретает глубинную связь с тайгой. Диалог Сани с миром в пространстве тайги состоялся.

Митяй и Саня проповедуют идею сбережения. Они понимают, что ягоду надо собирать по-людски, не вытаптывая всё подчистую, а так, чтобы не было разора. В отличие от них, дядя Володя приходит в тайгу с совком. Он не прикасается к голубице и лишает себя контакта с живой ягодой, оставаясь глухим к тайге.

Идею сбережения тайги олицетворяет Таньчора в повести «Последний срок». Отсутствие Таньчоры в повести выводит её из пространства деревенского мира. Она живёт в памяти мамы, братьев и сестёр.

Образ Таньчоры оживает, когда впервые за много лет в родном доме вместе собираются все дети старухи Анны. До этого дня старуха хранила материнскую тоску по младшей дочери про себя. Теперь, ожидая

её приезда, Таньчору вспоминают в разговорах.

Первая заговаривает о Таньчоре Люся. Сидя за столом, сколоченным их покойным отцом пятьдесят лет назад, Люся чувствует грусть от встречи с братьями и сестрой. Она больше не ощущает с ними кровного родства. При виде рыжиков Люся мысленно возвращается в детство, вспоминая, как Таньчора любила собирать грибы. Люсю всегда удивляло умение сестры быстро набрать полное ведро рыжиков. Михаил вспоминает, что Таньчора никогда не выбирала грибы подчистую, оставляя подрасти маленькие рыжики до следующего дня. Поэтому она знала все грибные места в округе. Это позволяло ей быстро набирать полное ведро больших грибов. Таньчора никогда не рвала маленькие рыжики и Михаила научила их не трогать. А Михаилу больше нравилось собирать подосиновики, так как они растут гнёздами. Подосиновики собирать легче и быстрее. Люся никогда не верила Таньчоре, считая, что сестра специально прятала полное ведро рыжиков под кустом, чтобы, не собирая грибы, принести домой полное ведро. Илья же бесхитростно набивал ведро травой, бросая сверху несколько крупных рыжиков, чтобы создать иллюзию полного ведра.

Одна Варвара не принимает участия в детских воспоминаниях о походах в тайгу за грибами.

Дальше Люся вспоминает, как мама посылала их собирать дикий лук. Они, соревнуясь, кто больше наберёт, воровали лук друг у друга.

Люся припоминает, как собирала смородину. Она интересуется, растёт ли сегодня так же много ягоды, как во времена её детства, и с огорчением узнаёт, что смородину вытоптал скот, а люди рвут ягоду с куста вместе с листьями.

Воспоминания Люси фрагментарны и хаотичны. Она давно уехала из дома и не помнит ни одного местного топонима, путает названия насекомых. Все названия ей подсказывают Михаил и Варвара. Люся до пустоты забыла своё деревенское прошлое и чувствует себя дома, как на чужой земле.

Образ Таньчоры рисуется из воспоминаний братьев, сестёр и матери как человека, который наделён нравственным чутьём. Она не выбирала подчистую ягоду, дикий лук, грибы или ягоды, оставляя после себя опустошённую тайгу. Таньчора не хватала, таскала, воровала или соревновалась. Жалость помогала Таньчоре сохранять хрупкую гармонию окружающего её мира. Мир воспринимается Таньчорой во всей его целостности и неделимости.

Для В.Г. Распутина отношение к тайге является важнейшей характеристикой современного человека. Он напрямую связывает отношение человека к природе с отношением к своей памяти. Память не позволит

человеку варварски загубить тайгу, в то время как беспамятство порождает нравственную глухоту и фрагментарность в восприятии окружающего мира.

«… Из огромной проблематики, принесённой нам жизнью в последние десятилетия и годы, есть три основных вопроса, самые главные, на которых сейчас стоит земля. И все три – охранные. Пришло время прежде приумножения говорить как о главном факторе продолжения человеческой жизни, о сбережении. Это вопросы сохранения мира, сохранения природы и сохранения памяти. Их можно и нужно ставить в один ряд, потому что от каждого из них последовательно зависит все наше отнюдь не отдаленное будущее. Если мы сегодня отстоим мир и добьемся права на завтрашний день, послезавтра мы можем погибнуть от отравленных воздуха, воды и земли. Если мы сумеем и природу отстоять – через два дня новая опасность, не менее трагическая, – свихнуться и погибнуть от беспамятства и безразличия, от потери чувства самосохранения. У нас нет другого выхода, если мы собираемся быть и жить, как бороться одновременно и за завтрашний день, и за послезавтрашний, и за тот, когда станут жить наши внуки…»

В образе Таньчоры В.Г. Распутин воплотил сокровенную для своего творчества идею взаимосвязи между особым днём, тайгой и памятью.

За все годы Таньчора ни разу не приезжала домой, поэтому память о ней не нарушена встречей с реальным человеком. В совокупности все воспоминания о Таньчоре объединяются в родовую память. Память хранит накопленный веками опыт, который по крупицам складывается в народную правду. Правда помогает человеку ориентироваться в мире, который он обживает, помогает сохранять связь с рекой и тайгой, которые его кормят, помогают защищать и продолжать свой род. Образ Таньчоры создаёт круг жизни, в котором заключена правда памяти. В последний срок, когда старуха Анна доживает особые оставшиеся ей четыре дня, память о Таньчоре связывает четверых братьев и сестёр для того, чтобы круг рода-племени окончательно распался.

Образ тайги на протяжении всего творчества писателя эволюционирует.

Будучи журналистом, в тофаларских очерках В.Г. Распутин пишет зарисовки из быта охотников, где обобщает жизненные явления до философских наблюдений.

В рассказах В.Г. Распутин создаёт сложную мифопоэтическую систему, в которой тайга является сакральным местом, где герои проходят испытания, проявляют свои нравственные принципы, встречаются с тьмой, пробуждают в себе родовую память, и, преодолевая порог смерти,

обретают свойства охранителей. В рассказе «Продаётся медвежья шкура» на память о поединке охотника с медведем остаётся дырявая шкура, которую не хотят брать придирчивые покупатели. Митяй в рассказе «Век живи – век люби» знает все заповедные таёжные места. Он берёт с собой в тайгу Саню, передавая ему свой опыт вместо отца. Саня проходит инициацию и становится носителем родовой памяти.

В повести «Последний срок» образ тайги сливается с образом Таньчоры. Вместе они образуют вневременное пространство, в котором действуют христианские принципы. В каждом из героев В.Г. Распутина все воспоминания отзываются чувством вины. Чувство вины усиливается, когда герои спрашивают с себя, правильно ли они поступают, соизмеряя свои поступки с совестью. Воспоминания о Таньчоре усиливают в них узнавание самих себя. Осознание своей натуры рождает смешанные чувства вины, надежды на утешение и ожидания благословения. Линейная перспектива языческого сознания, отражённого в кольцевой родоплеменной модели мира, трансформируется в христианские представления о природе и предназначении человека. Образ Таньчоры вбирает в себя проблематику отношений человека с Богом, трансформируя образ тайги в христианское пространство.

Образ тайги в творчестве В.Г. Распутина выражает идею сохранения природы как одного из смыслов существования человека. Образ Таньчоры включает идею сохранения природы в парадигму христианского мира. Только в мире, где люди научатся бережно относиться к природе, возможно будущее.